

Агата Кристи

АГАТА КРИСТИ

Пять поросят

Агата Кристи
Пять поросят
Серия «Эркюль Пуаро», книга 26

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122007
Пять поросят: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29874-7*

Аннотация

В «Пяти поросятах» маленькому бельгийцу предстоит раскрыть убийство шестнадцатилетней давности.

Содержание

Карла Лемаршан	4
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Агата Кристи

Пять поросят

Стивену Гленвиллу

Карла Лемаршан

Эркюль Пуаро с интересом смотрел на молодую женщину, вошедшую в его кабинет.

Ее письмо не содержало ничего особенного. Это была самая обычная просьба о встрече, без какого-либо намека на причину. Краткое деловое письмо. Разве лишь четкость почерка наводила на мысль: его автор, Карла Лемаршан, еще очень молода.

И теперь она перед ним – высокая, стройная молодая женщина, немногим старше двадцати лет. Женщина, на которой невольно остановишь взгляд. Одета со вкусом – красивое, хорошо сшитое платье с дорогим мехом. Изящно посаженная голова, высокий лоб, тонкий нос, волевой подбородок. Она была полна жизни, и именно это, а не ее красота, прежде всего обращало на себя внимание.

Перед ее приходом Эркюль Пуаро чувствовал себя стариком, а теперь он как бы вновь родился.

Поднимаясь навстречу девушке, Пуаро заметил, что ее темно-серые глаза внимательно изучают его. Она была очень серьезной и сосредоточенной.

Присев на стул, Карла взяла предложенную сигарету. Некоторое время молча курила, продолжая изучающе рассматривать его.

Пуаро приветливо сказал:

– Итак, необходимо кое-что выяснить, не так ли?

Она вздрогнула:

– Простите, вы что-то сказали?

У нее был приятный, с легкой хрипотцой голос.

– Вы пытаетесь установить, шарлатан я или человек, в котором вы нуждаетесь. Разве не так?

Она улыбнулась:

– Да, что-то в этом роде. Видите ли, мсье Пуаро, вы совсем не такой, каким я вас представляла.

– Старше, чем вы думали?

– И это тоже. – Она колебалась. – Видите, я говорю откровенно. Мне нужен – очень нужен – самый лучший сыщик.

– Можете быть спокойны, – сказал Пуаро. – Я и есть самый лучший.

– От скромности вы не умрете, – заметила Карла. – И все же я склоняюсь к тому, чтобы поверить вам.

Пуаро спокойно сказал:

– Видите ли, в нашем деле важны не только мускулы. Мне необязательно наклоняться и измерять следы, собирать окурки или исследовать примятую траву. Мне достаточно удобно устроиться в кресле и думать. Это находится здесь, – он слегка постучал себя по яйцеобразной голове, – здесь то, что работает.

– Знаю, – сказала Карла Лемаршан. – Поэтому и пришла к вам. Понимаете, я хочу, чтобы вы совершили нечто фантастическое!

– Что ж, обещаю вам это! – Эркюль Пуаро бодро посмотрел на собеседницу.

Карла Лемаршан глубоко вздохнула.

– Мое имя, – сказала она, – не Карла. Меня зовут Кэролайн, как и мою мать. – Она сделала паузу. – И фамилия Лемаршан, которую я ношу с тех пор, как себя помню, тоже не моя. Моя настоящая фамилия Крейл.

Он пробормотал:

– Крейл... Как будто припоминаю...

Она сказала:

– Отец был художник, довольно известный художник. Кое-кто утверждает, что он был великий художник. Я думаю, это так.

Пуаро спросил:

– Эмиас Крейл?

– Да. – И после небольшой паузы: – А моя мать, Кэролайн Крейл, была осуждена за его убийство!

– Ага! Теперь я припоминаю, хотя и довольно смутно. В то время я был за границей. Это было так давно...

– Шестнадцать лет назад, – уточнила девушка.

Она побледнела, а глаза стали словно два пылающих угля.

– Вы понимаете... Ее судили и вынесли приговор... Ее не повесили – нашли смягчающие обстоятельства – и осудили на пожизненное тюремное заключение. После процесса она прожила всего год. Понимаете? Все как бы завершено, окончено, похоронено...

Пуаро спокойно сказал:

– Итак?

Девушка, назвавшаяся Карлой Лемаршан, молчала, сцепив пальцы. Вдруг она заговорила. Спокойно, с паузами, с какой-то удивительной внутренней энергией:

– Представьте себе мою роль во всем этом деле. Мне было пять лет, когда... Я была слишком мала, чтобы что-то понять. Конечно, я помню мать и отца, помню, как меня поспешно вывезли куда-то в деревню. Припоминаю поросят, а также полную, симпатичную жену фермера и всех других, которые относились ко мне с любовью. Особенно запомнились какие-то удивительные взгляды – ими встречали и провожали меня крестьяне. Конечно, я знала – дети всегда это чувствуют, – здесь что-то не так, но я не ведала, что именно... Затем было захватывающее путешествие на пароходе – оно длилось много-много дней, и я вместе с дядей Симоном и тетей Луизой очутилась в Канаде, в Монреале. На мои вопросы о маме и папе они отвечали, что те скоро приедут. Потом – не помню, как это случилось, – но я вдруг поняла, что они умерли, хотя никто об этом мне не говорил. Со временем я все меньше и меньше думала о них, чувствовала себя очень счастливой. Дядя Симон и тетя Луиза относились ко мне весьма внимательно. Они послали меня в школу, где я вскоре нашла много друзей. Я совсем забыла, что у меня было когда-то другое имя, другая фамилия, не Лемаршан. Тетя Луиза сказала, что так мое имя произносится в Канаде, и это мне показалось совершенно естественным, а со временем я и вовсе забыла, что у меня когда-то было иное имя...

Вскинув голову, Карла сказала с вызовом:

– Посмотрите на меня! Ведь, встретив меня, вы сказали бы: вот девушка, которой нечего желать. Хорошо обеспечена, крепкое здоровье, приятная внешность... Только и наслаждайся жизнью. В двадцать лет я и не думала, что где-то найдется человек, с которым я хотела бы поменяться судьбой. Но тут как раз и случилось: я начала задавать вопросы. О матери, об отце. Кем они были, чем занимались? Наконец – и это было неизбежно – я обо всем узнала. Мне сказали всю правду. Они были вынуждены это сделать, хотя бы потому, что я достигла совершеннолетия... А потом пришло это письмо. Письмо, оставленное моей матерью перед смертью...

Выражение ее лица изменилось, взгляд потух, глаза уже казались не двумя пылающими угольками, а темными, печальными озерами.

– И вот я узнала правду: мать осуждена за убийство. Это кошмар.

Она помолчала.

– Должна вам рассказать еще кое-что. Я была обручена. Дядя и тетя убеждали, что я должна подождать, не выходить замуж до тех пор, пока мне не исполнится двадцать один год. Когда я узнала правду, поняла, почему они так говорили.

Пуаро, который до сих пор слушал молча, прервал ее:

– А как воспринял все это ваш жених?

– Джон?.. Джон говорил, что это его совсем не беспокоит, что все это не имеет решительно никакого значения, по крайней мере для него. Существуют только он и я, Джон и Карла, прошлое не имеет значения.

Она немного наклонилась вперед.

– И тем не менее это имеет значение, это важно для меня. Важно и для Джона... Для нас важно не прошлое, а будущее. – Она снова сцепила руки. – Понимаете, мы хотим иметь детей. Это наше общее желание. Но мы не хотели бы видеть, что они растут в вечном страхе.

– Но, – сказал Пуаро, – разве вы не можете предположить, что среди предков каждого из нас вполне могли быть и люди, совершившие преступление?

– Вы не понимаете меня. Конечно, это так. Но ведь над этим никто не задумывается. А мы об этом знаем и думаем. Иногда я замечаю, как Джон смотрит на меня – бросит взгляд, словно молния... Допустим, мы поженимся и когда-нибудь поссоримся... Я замечу вот этот его взгляд...

– Как был убит ваш отец? – прервал ее Эркюль Пуаро.

Карла ответила четко и твердо:

– Он был отравлен.

– Та-ак...

Они помолчали.

– Слава богу, вы меня понимаете. Вы себе представляете, какое это имеет значение! И хорошо, что не придумываете каких-то утешительных обстоятельств.

– Все это я хорошо понимаю! – сказал Пуаро. – Однако я не пойму, чего вы от меня хотите!

Карла Лемаршан сказала с наивной простотой:

– Я хочу выйти замуж за Джона. И я это сделаю! И хочу иметь детей – не меньше двух девочек и двух мальчиков! Вы должны сделать так, чтобы это стало возможным.

– То есть вы хотите, чтобы я поговорил с вашим женихом? А-а, не это? Я говорю глупости! Вы хотите совсем иного. Что ж, скажите, в чем состоит ваша идея?

– Мсье Пуаро, я хочу, чтобы вы поняли, хорошо поняли: я нанимаю вас для расследования убийства.

– Вы хотите сказать, что...

– Да, именно так. Убийство остается убийством, совершено оно вчера или шестнадцать лет тому назад.

– Однако, милая девушка...

– Подождите, мсье Пуаро. Вы еще не обо всем узнали. Есть еще один очень важный момент.

– А именно?

– Моя мать невиновна.

Эркюль Пуаро, почесав нос, проворчал:

– Так, конечно, я понимаю, что...

– Дело здесь не только в чувствах. Есть ее письмо. Мать оставила его для того, чтобы я была полностью уверена – она не убивала, она невиновна. И я должна в этом убедиться.

Эркюль Пуаро задумчиво поглядел на девушку, которая внимательно смотрела ему в глаза. Затем медленно проговорил:

– И все же...

Карла улыбнулась:

– Нет, мсье Пуаро, мать была не такая! Вы думаете, она соврала? Что это святая ложь? – Карла подалась вперед и торжественно прибавила: – Послушайте, мсье Пуаро, есть вещи, которые детям прекрасно известны. Я помню мать – воспоминание, конечно, туманное, но я вполне ясно помню, каким человеком она была. Она не могла кривить душой. Если что-то причиняло ей боль, она говорила об этом откровенно. Шла ли речь о зубном враче, или о занозе в пальце, или о чем-то ином. Я не могу утверждать, что относилась к ней с особой любовью, но верила ей полностью. Верю ей и теперь. И если она пишет, что не убивала отца, то можно быть уверенной: она его не убивала! Не таких правил это был человек, чтобы излагать – торжественно, на бумаге – ложь. К тому же находясь на смертном одре.

Медленно, сам того не замечая, Эркюль Пуаро одобрительно опустил голову.

Карла продолжала:

– Что же касается меня, то я могу преспокойно выходить замуж за Джона. Я знаю, что все будет хорошо. Однако он – нет. Для него вполне естественно, что я считаю мать невиновной, но доказательства... Вот, мсье Пуаро, во что нужно внести ясность. И вы это сделаете!

Эркюль Пуаро ответил задумчиво:

– Даже если признать истиной все сказанное вами, мадемуазель, то все же следует принять во внимание, что прошло шестнадцать лет!

– Разумеется! Это будет весьма сложно! – ответила девушка. – Это никому не под силу, кроме вас.

Глаза Пуаро чуть сверкнули.

– Не хотите ли вы сделать мне комплимент?

– Я много слышала о вас. Больше всего вас интересует психология, не так ли? А это ведь не меняется со временем. Наглядные доказательства исчезли – окурки, следы ног, помятые травинки... Их вы уже не сможете исследовать. Но вы можете заново рассмотреть и изучить все факты, возможно, сумеете поговорить с теми, кто тогда был в доме, – они все еще живы. И тогда... тогда, как вы только что говорили, сможете усесться в кресло и думать. И вы узнаете, что произошло на самом деле...

Эркюль Пуаро поднялся, одной рукой пригладил свои усы.

– Мадемуазель, я растроган! Я оправдаю ваше доверие. Я расследую это убийство. Я изучу факты шестнадцатилетней давности и раскрою истину.

Карла встала. Глаза ее блестели. Однако она ограничилась одним словом:

– Хорошо.

Пуаро предостерегающе поднял указательный палец.

– Минуточку. Я сказал только, что раскрою истину. Я не хочу работать с предвзятостью, приняв ваше уверение в невиновности матери. А если она виновна, что тогда?

Карла гордо откинула голову и произнесла:

– Я ее дочь. Я хочу правды.

– Следовательно, вперед! – воскликнул Эркюль Пуаро. – Хотя правильнее было бы сказать наоборот: назад!

Часть первая

Глава 1 Адвокат

– Помню ли я дело Крейл? – переспросил сэра Монтегю Деплич. – Как же, даже очень хорошо. Кэралайн была чрезвычайно приятной женщиной. Правда, неуравновешенной. Совсем не владела собой. – Он искоса поглядел на Пуаро. – А почему вы меня об этом спрашиваете?

– Ради интереса.

– Это до некоторой степени бестактно с вашей стороны, дорогой, – сказал Деплич, обнажив вдруг свои зубы в знаменитой «волчьей улыбке», которая нагоняла когда-то на свидетелей ужас. – Ведь вы знаете, что этот процесс не принес мне успеха. Мне не удалось вытянуть ее сухой из воды.

– Знаю.

– Разумеется, – продолжал сэра Монтегю, – тогда я не имел того опыта, каким обладаю теперь, хотя, кажется, сделал все, что в человеческих силах. К сожалению, многого не достигнешь, если клиент, то есть подсудимый, не помогает тебе. Все же я добился замены смертной казни на пожизненное заключение. Судьи вынуждены были это сделать: слишком много уважаемых дам из высшего общества обратились с ходатайством за нее. К ней относились с большой симпатией.

Он откинулся на спинку кресла, вытянув свои длинные ноги, и стал похож на судью, который раздумывает, взвешивает.

– Если бы она застрелила его или хотя бы заколола, я сделал бы ставку на непреднамеренное убийство. Но яд... Здесь многого не добьешься. Это сложно, очень сложно.

– На чем строилась защита? – спросил Эркюль Пуаро.

Он прекрасно знал это из газет, но считал, что лучше, если перед сэром Монтегю будет разыгрывать человека совсем неосведомленного.

– Самоубийство! Единственное, на что можно было опираться. Но это совсем не воспринималось. Ведь самоубийство было совсем не в стиле Крейла. Оно просто-напросто было невозможным. Не знаю, были ли вы с ним знакомы... Нет? Так вот, это был человек, в котором жизнь была ключом. Большой любитель пива и неисправимый волокита. Страстно отдавался плотским наслаждениям. Когда речь идет о таком человеке, невозможно убедить присяжных, что в один прекрасный день он уселся и решил свести счеты с жизнью. Не пройдет! С самого начала я понял, что передо мною безнадежное дело. Я понял, что проиграл процесс, еще в тот момент, когда Кэралайн появилась на скамье подсудимых. Никаких попыток борьбы! Так оно всегда происходит: если ты не подготовишь клиента, присяжные сделают свои выводы.

– Вы это имели в виду, когда утверждали, что невозможно ничего достичь без помощи самого подсудимого? – спросил Пуаро.

– Именно так, дорогой друг. Мы же не чудотворцы. Половина успеха в этом единоборстве – это впечатление, какое производит обвиняемый на присяжных. Я знал много случаев, когда присяжные выносили приговоры, прямо противоположные требованиям судьи. «Он совершил это. Что же тут говорить?» – решает присяжный заседатель. Или: «Никогда он не совершит подобного! Что вы мне ни говорите – не поверю!» А в нашем случае... Кэралайн Крейл даже не пыталась бороться.

– Почему?

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Меня об этом не спрашивайте. Кэролайн, конечно, очень любила покойного. Она впала в глубокую депрессию, когда поняла, что наделала. И, наверное, никогда уже не пришла в себя после этого шока.

– Следовательно, по-вашему, она была виновна?

Деплич удивился:

– Гм... Я считаю это само собой разумеющимся.

– Она вам когда-нибудь говорила, что виновна?

Деплич удивился еще больше:

– Конечно, нет. У нас есть свой условный код. Невинность... гм... она всегда предполагается. Однако, поскольку вас так интересует этот случай, мне жаль, что вы не сможете поговорить со старым Мейхью. Он подбирал для меня материалы по делу Крейла. Старый Мейхью мог бы вам сказать значительно больше, чем я. Но сегодня его уже нет – он отдал богу душу... Остался его сын, Джордж Мейхью, но он тогда был совсем мальчишкой. Ведь минуло много лет.

– Понятно. Мне еще повезло, что вы сохранили так много воспоминаний об этом процессе. У вас прекрасная память.

Деплич, казалось, был польщен.

– Видите ли, обычно все припоминаешь лишь в общих чертах. Но если речь идет об обвинении, требующем высшей меры наказания... К тому же в связи с делом Крейла было очень много шума в прессе. Большое внимание привлекла любовная сторона дела. Довольно заметной фигурой была девушка, замешанная в процессе. Мне она показалась весьма привлекательной.

– Извините мою назойливость, – сказал Пуаро, – но я повторю вопрос: у вас не было никакого сомнения относительно виновности Кэролайн Крейл?

Деплич пожал плечами.

– Откровенно говоря... Не было ни малейших сомнений относительно ее виновности. Да, да, она убила его! Несомненно!

– Какие доказательства выдвигались против нее?

– Все они были в пользу обвинения. Во-первых, мотив. Крейл жил с ней последние годы как собака с кошкой, в бесконечных ссорах. Он все время путался с какой-нибудь женщиной. В этом он был невосдержан, такая уж натура. Но Кэролайн как будто все это легко сносила. Она делала скидку на его артистический темперамент, а он в самом деле был художник высокого класса. Ценность его работ ныне чрезвычайно выросла, чрезвычайно! Хотя лично мне не по душе его стиль... Все же его живопись хороша, это безусловно. Как я уже сказал, иногда между ними вспыхивали настоящие баталии. Миссис Крейл тоже не отличалась кротостью. Однако он каждый раз возвращался к ней. Все недоразумения проходили. Но в последний раз произошло по-другому. В тот раз любовница оказалась девушкой, и даже очень молодой. Ей было только двадцать. Звали ее Эльза Гриер. Единственная дочка какого-то йоркширского промышленника. Богатая, решительная, она знала, чего хочет. А хотела она заполучить Эмиаса Крейла. Сначала навязала ему заказ на свой портрет, хотя он обычно не писал парадных полотен типа «Госпожа такая-то в розовом шелке с жемчугами». Однако время от времени он брался за портреты. Не знаю, многим ли женщинам они понравились бы – ведь он не прятал их недостатков! Но портрет мисс Гриер Крейл написал, а заодно и влюбился в нее по уши. Он был давно женат, ему перевалило за сорок, и он ясно понимал, что не может не вызвать улыбку, появляясь перед друзьями со столь юной особой. Он был безумно влюблен и готов был разойтись с женой, чтобы обвенчаться с Эльзой. Само собой, Кэролайн Крейл не могла допустить этого. Она угрожала ему. Два человека случайно слышали, как

она говорила, что, если он не откажется от девушки, она его убьет. И она не шутила! За день до того, как случилось несчастье, они пили чай у одного соседа, который занимался собиранием разных растений и готовил из них лекарства. Использовал он и болиголов пятнистый, как обычно называют это растение, или цикуту. За столом шел разговор о цикуте и ее смертоносном действии. На следующий день наш химик заметил, что из бутылки исчезла добрая половина цикуты. Это встревожило его. Флакончик с цикутой был потом найден в комнате госпожи Крейл.

Эркюль Пуаро заметил:

– Но ведь кто-то другой тоже мог спрятать там флакон.

– Нет, в полиции Кэролайн созналась, что сама взяла яд. Слишком непродуманно с ее стороны, конечно. Но в то время у нее еще не было адвоката, чтобы посоветоваться. Видимо, поэтому она и призналась, что взяла цикуту.

– Зачем?

– Будто бы собираясь покончить с собой. Каким образом флакон оказался почти пуст и со следами только ее пальцев, объяснить не могла. Это чрезвычайно усложнило ее положение. Она утверждала, что Эмиас Крейл покончил жизнь самоубийством. Но если бы он брал напиток из флакона, который она спрятала в своей комнате, тогда были бы отпечатки и его пальцев.

– Яд был ему дан с пивом?

– Да. Она взяла бутылку пива из холодильника и отнесла в сад, где Эмиас работал. Еще и налила в стакан и смотрела, как он пьет. Потом все пошли к ленчу, оставив его в саду, – часто бывало, что он не приходил к столу. Потом Кэролайн и гувернантка нашли его мертвым. Ее версия состояла в том, что пиво, которое она подала, было без яда. В своем выступлении на процессе я сказал, что, почувствовав угрызения совести, Эмиас сам влил яд. Аргумент, конечно же, неубедительный. Крейл не был тем человеком, который мог так поступить. А факт – отпечатки пальцев – был весьма весомым. И привел к осуждению.

– Отпечатки их пальцев были обнаружены и на бутылке с пивом?

– Не совсем. Нашли только его отпечатки... Но они вызвали подозрение. Дело в том, что Кэролайн осталась с Крейлом одна – гувернантка пошла звать врача. И она, вероятно, вытерла бутылку и стакан, а потом приложила его пальцы – чтоб можно было утверждать, что она не имеет никакого отношения к делу. Но этот фокус не прошел. Старый Рудольф, который вел расследование, просто потешался над этим трюком, доказав четко и точно, что человек не мог удержать бутылку в таком положении, как показывают отпечатки пальцев. Понятно, мы сделали все возможное, дабы доказать, что руки его были сведены смертельными судорогами, но наши аргументы оказались неубедительными.

Эркюль Пуаро спросил:

– Цикута была влита в бутылку до того, как она отнесла ее в сад?

– На бутылке не было следов яда, только на стакане.

Деплич умолк, на его красивом лице появилось иное выражение. Вдруг он повернул голову и резко спросил:

– Скажите же, мсье Пуаро, чего вы, собственно, добиваетесь?

Пуаро пояснил:

– Если Кэролайн невиновна, каким же образом оказалась в пиве цикута? Вы утверждали тогда, что Эмиас Крейл сам налил цикуту. Но это совсем не правдоподобно. И я целиком с этим согласен. Крейл был не тем человеком, который может так поступить. Следовательно, если это сделала не Кэролайн Крейл, то, значит, это сделал кто-то другой.

Деплич воскликнул:

– Черт подери! Нельзя же повернуть время вспять! Все это произошло много лет назад. Что говорить – она его убила. Вы почувствовали бы это сами, увидев ее на процессе.

Это было написано на ее лице! Мне кажется, что приговор стал для нее облегчением. Кэролайн несколько не боялась, даже не нервничала. Она просто ждала, чтобы наконец процесс закончился. В самом деле, она умела держать себя в руках.

– И все же, – сказал Эркюль Пуаро, – умирая, она оставила письмо дочери, в котором торжественно клянется в невинности.

– Это естественно, – ответил сэр Монтегю. – И вы и я поступили бы на ее месте так же.

– Ее дочь утверждает, что она не была способна на ложь.

– Ее дочь утверждает... Что она знает о происшедшем?! Дорогой мой Пуаро, когда происходил процесс, девушка была ребенком. Сколько ей исполнилось – четыре или пять лет? Ей сменили фамилию и отправили из Англии к каким-то родственникам. Что она может знать или вспомнить?

– Иногда дети очень хорошо разбираются в людях.

– Возможно. Но это не тот случай. Естественно, дочь хочет считать свою мать невинной. Оставим за ней это право. Не вижу в этом ничего плохого.

– К сожалению, она добивается доказательств.

– Доказательств того, что ее мать, Кэролайн Крейл, не убивала своего мужа?

– Да.

– Ну что ж, она их никогда не получит.

– Вы так полагаете?

Знаменитый адвокат задумчиво посмотрел на своего собеседника.

– Я вас всегда считал порядочным человеком, Пуаро. Что вы хотите сделать? Заработать деньги, играя на чувствах, сердечных чувствах дочери?

– Вы ее не знаете! Это исключительная личность, с удивительно твердым характером.

– Я тоже считаю, что дочь Эмиаса и Кэролайн Крейл и должна быть именно такой. И чего же она хочет?

– Она хочет правды.

– Гм, боюсь, что она найдет неприятным вкус этой правды. Откровенно говоря, Пуаро, я не допускаю какого-либо сомнения. Кэролайн Крейл убила своего мужа.

– Дорогой друг, извините меня, но в этом я должен убедиться лично.

– Что ж, я, собственно, не вижу, что бы вы еще могли сделать. Вы можете прочитать сообщения газет. Главным обвинителем был Хэмфри Рудольф. Но он умер. Подождите, кто же был его помощником?.. Молодой Фогг, кажется. Да, Фогг! Вы можете с ним поговорить. И потом – прочий судебный персонал. Не думаю, что им будет приятно ваше вторжение и копание во всей этой истории, но, наверное, вы получите от них то, чего добиваетесь. Вы чертовски настойчивый человек.

– Да... Так о людях, которые имели отношение к тому случаю. Возможно, вы помните их имена?

Деплич на миг задумался.

– Прошло столько времени... Было пятеро, кто в самом деле имел отношение к этой истории, если можно так выразиться. Я не считаю слуг – двух преданных старых, бедных людей, которые ничего об этом деле не знали. Никто не мог их ни в чем заподозрить.

– Следовательно, пятеро. Расскажите мне о них.

– Хм... Один из них – Филипп Блейк, лучший друг Крейла. Они были знакомы давно. Он тогда жил у них... Я иногда встречал его на площадке для игры в гольф. Он живет в Сент-Джордж-Хилле. Работает биржевым маклером. Хорошо знает рынок. Человек, которому везет в жизни. Склонен к ожирению...

– Далее?

– Затем его старший брат. Землевладелец, типичный домосед.

Вдруг в памяти Пуаро всплыли стихи. Он попытался отмахнуться от них, ибо не имел сейчас права думать о детских стихах. Последнее время они почему-то преследовали его, не выходили из головы:

Один поросенок пошел на базар.
Один поросенок остался дома...

Он пробормотал:

– Значит, брат Филиппа Блейка сидит все время дома?

– Да. Я вам о нем говорил, это тот, что возился с лекарствами и растениями... Ага, вспомнил: Мередит, Мередит Блейк. Не знаю только, жив ли он.

– Потом?

– Потом виновница всех несчастий: девушка, замешанная в деле, Эльза Гриер.

– *«Кто-то жаркое третьему дал...»* – пробормотал Пуаро.

Деплич с удивлением посмотрел на него.

– Что касается этого поросенка, то ему дали столько, сколько было нужно. Девушка знала, чего хочет, и добилась, чего хотела. С тех пор она уже трижды вышла замуж. Она начинает и заканчивает бракоразводные процессы с чрезвычайной ловкостью. И каждый раз у нее на примете что-то лучшее. Теперь она леди Диттишем. Раскройте любой номер «Тейтлера» – и наверняка ее встретите.

– Ну а оставшиеся двое?

– Гувернантка. Не помню уж ее имени, но добропорядочная и способная женщина. Томсон... Джонс – что-то в этом роде. И еще был ребенок, сестра Кэралайн Крейл по матери. Ей тогда было лет около пятнадцати. Теперь это леди с именем. Она археолог, путешествует в экзотических краях. Уоррен, Анджела Уоррен, молодая особа, вызывающая всеобщий интерес. Я встретил ее несколько дней назад...

– Следовательно, не она поросенок, который заплакал?

Сэр Монтегю посмотрел на Пуаро удивленно. Наконец сказал:

– Ей было о чем плакать! Она изуродована... Не знаю, известно ли это вам, но у нее ужасный шрам на лице. И... Но вы обо всем этом узнаете сами!

Пуаро встал.

– Благодарю. Вы были очень любезны. Если миссис Крейл не убила своего мужа...

Деплич перебил его:

– Но она убила его, дорогой мой. Убила! В этом я убежден.

Пуаро продолжал, словно не заметив, что его перебили:

– ...тогда логично полагать, что его убил кто-то из этих пятерых.

– Я думаю, что кто-то из них мог бы это сделать, – сказал Деплич, – но я не вижу для чего. У остальных не было никаких причин! Да, я уверен, никто из них не мог убить. Надо выбросить из головы эту мысль.

Эркуль Пуаро только улыбнулся, слегка покачав головой.

Глава 2 Прокурор

– Несомненно, виновна! – лаконично изрек мистер Фогг.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на худую фигуру прокурора.

Квентин Фогг являл собою прямую противоположность Монтегю Депличу. Последний был личностью магнетической, эгоистичной и склонной к полемике. Деплич производил эффект быстрыми и драматичными изменениями поведения. Великодушный, приветливый, очаровательный, он мог мгновенно стать совсем иным: какая-то хищная улыбка открывала его зубы, готовые, казалось, вас разорвать.

Квентин Фогг был художав и бледен, его индивидуальность не была так ярко выражена. Его вопросы были спокойны, не выказывали никаких чувств, отличались настойчивостью и твердостью. Если Деплича можно сравнить со шпагой, то Фогг скорее напоминал бурав. Он никогда не пользовался славой, но был известен как олицетворение законности и, как правило, выигрывал процессы.

Эркюль Пуаро посмотрел на него задумчиво:

– Итак, таково ваше впечатление?

Фогг утвердительно кивнул.

– Видели бы вы ее на скамье подсудимых! Старый Хэмфри Рудольф, который вел следствие, разделал ее как господин черепашу.

Он умолк на миг и неожиданно добавил:

– Собственно говоря, знаете, удовольствие было слишком легким.

– Не понял вас... – сказал Эркюль Пуаро.

Фогг свел четко очерченные брови. Его холеная рука поглаживала верхнюю беззубую губу.

– Как бы лучше выразиться?.. Не стреляй в птицу, которая сидит. Это чисто английская поговорка. Она лучше выражает мою мысль. Сейчас вы меня поняли?

– Это поистине, как вы сказали, английская поговорка. И я, кажется, понял вас. Как в уголовных делах, так и в охотничьих угодах англичанину нравится, чтоб жертва также имела шанс. Это – спортивная точка зрения.

– Абсолютно верно. В данном случае обвиняемая не имела ни одного шанса. Хэмфри Рудольф делал с ней все, что хотел. Сначала допрос учинил Деплич. Она выдержала его смиренно и покорно, как девочка на конфирмации. На вопросы Деплича она отвечала будто заблаговременно выученными фразами – очень гладко, но абсолютно неубедительно! Ее научили, что необходимо говорить, и она говорила. Деплич не был в этом повинен. Старый лис сыграл свою роль отменно. Но на всякой сцене должно быть два артиста, единственный не может вести всю пьесу. А она не подавала ему необходимых реплик. И тогда поднялся старина Хэмфри. Я полагаю, вы имели случай видеть его... Он взмахнул своей мантией, покачался, будто пятился назад, а затем... Он заманивал ее в бесчисленное множество капканов, и каждый раз она в них попадала.

Он принуждал Кэролайн соглашаться с абсурдностью ее заявлений, заставлял противоречить самой себе, увязать все дальше и дальше во лжи. И наконец, подал свое обычное блюдо – веско и решительно сказал: «Я считаю, миссис Крейл, что ваш рассказ о цикуте, которую вы похитили якобы для самоубийства, от начала и до конца выдумка. Вы взяли ее с целью дать вашему мужу, который хотел вас оставить и сойтись с другой женщиной. И вы действительно обдуманно дали ему яд». Кэролайн Крейл посмотрела на него – она была такая очаровательная, нежная, тонкая – и сказала: «Ой, нет, нет, я этого не делала!» Это была самая неуклюжая, самая неубедительная защита из всех, какие мне доводилось слышать.

Я увидел, как Деплич нервно завертелся на стуле. Он сообразил, что в эту минуту все уже было проиграно.

Фогг немного помолчал и продолжал:

– Присяжные поняли, что это создание не имеет ни малейшего шанса на спасение. Она даже не была в состоянии защищать себя. Стало очевидно, что любой ее аргумент разгромил бы старый пень Хэмфри. Все почувствовали, что она погибла.

Но это было, если хотите, самым лучшим, что она могла сделать. Перерыв, когда присяжные ушли на совещание, продлился не более получаса. Их решение звучало так: виновна, но заслуживает снисхождения. И, понимаете, на самом деле контраст между нею и девушкой, замешанной в процессе, был в пользу Кэролайн. К той с самого начала присяжные отнеслись с антипатией. Она, однако, с этим не считалась и ни на минуту не теряла спокойствия. Очень красивая, с головой на плечах, современная, она для присутствующих на процессе женщин была одиозной фигурой – типом женщины, которая рушит семейный очаг. Любая семья всегда находится в опасности, если вблизи такие девицы, из которых так и брызжет секс и которые с презрением относятся к правам женщин-матерей. Надо признать, что она не жалела себя. Она была по-своему честна, искренне сознавшись в том, что полюбила Эмиаса Крейла, как и он ее, и что она ни на минуту не колебалась в своем желании увести его от ребенка и жены.

Я и то был восхищен ее смелостью. Деплич с пристрастием ее допрашивал, но она выстояла. Присяжные, однако, не симпатизировали этой девице. И судье она не понравилась. Судьей был старый Эвис, довольно легкомысленный в молодости, ставший большим моралистом, когда надел мантию. Его обвинительная речь против Кэролайн Крейл – это воплощение милосердия. Он не мог отбрасывать факты, однако довольно ощутимо намекал на то, что обвиняемая была спровоцирована.

Эркюль Пуаро спросил:

– Он не поддерживал концепции защиты, то есть самоубийства?

Фогг покрутил головой.

– Эта версия, по сути, никогда не воспринималась всерьез. Я не хочу сказать, что Деплич максимально не воспользовался ею. Он был великолепен. Он создал волнующий портрет человека, исполненного душевности, темперамента и стремления к наслаждениям, внезапно охваченного страстью к молодой красивой девушке, человека, которого мучает сомнение, но не способного устоять. Затем – чувство гадливости, неуважения к самому себе, муки совести из-за собственного аморального отношения к жене и ребенку и, наконец, неожиданное решение покончить со всем... Единственный честный выход! Прошу вас верить мне: это было волнующее выступление! Речь Деплича вызвала у многих слезы. Представьте себе несчастного человека, раздираемого борьбой между собственными страстями и глубокой порядочностью. Эффект был колоссальный! Однако стоило ему закончить свою речь, как чары развеялись, и уже ничто не могло связать этот воображаемый образ с личностью Эмиаса Крейла. Все знали о нем слишком много. А Деплич не сумел привести ни одного доказательства, которое подтвердило бы его версию. Можно сказать, что Крейл был человеком, который совсем не имел совести, даже самой элементарной, был равнодушным, себялюбивым, эдаким жизнерадостным эгоистом! Если у него и были когда-то моральные принципы, то только в отношении живописи. Я убежден, что он никогда не позволил бы себе написать плохую картину. Но во всем остальном он проявлял безудержный темперамент, обожествлял жизнь, любил ее страстно и пылко. Чтобы он покончил самоубийством? Все, что угодно, только не это!

– Возможно, была избрана не наилучшая защита?

Фогг пожал своими узкими плечами.

– Какую еще защиту можно было выбрать? Это был необычный процесс, и обвинению даже не надо было искать доказательств против обвиняемой. Доказательств было много, слишком много. У Кэролайн был яд, она созналась, что выкрала его. В наличии ведь все возможные доказательства: средство, мотивы преступления, удобный случай – все!

– А разве невозможно было попробовать доказать, что все эти обстоятельства искусственные, инсценированные?

Фогг ответил решительно:

– Она сама их признала, во всяком случае, большинство из них. Но как бы то ни было, ваша мысль вполне естественна. Вы хотите сказать, что кто-то иной убил Крейла, но так все это обставил, чтобы свалить вину на нее?

– Полагаете, что подобную версию невозможно защищать?

Фогг сказал спокойно:

– Боюсь, что так. Вы намекаете на какого-то таинственного Икса. Где его искать?

Пуаро сказал:

– В узком кругу, разумеется. Было лишь пятеро, которые могли иметь отношение к делу. Не так ли?

– Пятеро? Сейчас посмотрим. Прежде всего тот эксцентричный и старомодный тип со своей манерой изготовления лекарств из трав. Небезопасное увлечение! Хотя приятный человек. Немного, правда, непонятный. Я не представляю его себе в роли Икса... Затем та девушка. Она могла бы убрать Кэролайн, но, конечно, не Эмиаса. Потом биржевой маклер – лучший друг Крейла. Подобное можно встретить в полицейских романах, только не в обыденной жизни. Больше никого не осталось... Подождите! Младшая сестра – еще ребенок. Ей невозможно предъявлять серьезные претензии. Итак, всего четверо.

Эркюль Пуаро прибавил:

– Вы забыли гувернантку.

– Да, правда. Эти бедные гувернантки... Всегда о них забывают! Все же я смутно припоминаю ее. Довольно некрасива, но очень способна. Представляю себе, какой-нибудь психолог сказал бы, что она воспылала греховной страстью к Крейлу и потому убила его. Отвергнутая старая дева!.. Я просто-напросто в это не верю! Мои воспоминания, хотя немного и бледные, застарелые, не дают основания видеть ее неврастеничкой.

– С тех пор прошло много времени.

– Считайте, лет пятнадцать-шестнадцать... Да, именно так... Поэтому не особенно рассчитывайте на мою память.

Эркюль Пуаро возразил:

– Наоборот. Я вижу, что вы помните обо всем слишком хорошо. Меня даже удивляет, как твердо вы держите в памяти события. Когда вы рассказываете о судебном процессе, видимо, эти образы проходят перед вашими глазами?..

Фогг сказал медленно:

– Да. Вы правы. Я снова вижу все очень четко.

– Мне интересно, дорогой друг, очень интересно, можете ли вы объяснить – почему?

– Почему?

Фогг задумался. Его тонкое, умное лицо было сосредоточенно.

Пуаро изменил вопрос:

– Вспомните, что именно вы ясно видите? Свидетелей? Адвоката? Судью? Обвиняемую на скамье подсудимых?..

– Ну, конечно же... Это и есть причина! – сказал Фогг тоном человека, который наконец в чем-то разобрался. – Конечно! Вы указали причину. Вся мою жизнь я буду видеть ее! Удивительно, как поражают романтические события. Потому что в ней действительно было что-то романтическое. Не знаю, была ли она в самом деле красива. Она была не очень

молода, казалась утомленной, видны были синяки под глазами. Но все и вся сосредоточивалось вокруг нее. Она была героиней этой драмы. И, удивительная вещь, почти все время ее будто не было там. Казалось, она далеко-далеко, хотя сидела спокойная, внимательная, с легкой вежливой улыбкой на устах. Вся она была словно в полутонах, понимаете, в переходах тени и света. И одновременно была живой, живее, чем та девушка с совершенным телом, очаровательным лицом, жесткостью и силой молодого зверя. Я восхищался Эльзой Гриер, потому что она была смелая, умела бороться, она бесстрашно, с презрением встречала своих мучителей. А Кэролайн Крейл я восхищался, потому что она не боролась, будто пряталась в своем мире полутонов и теней. Она никогда не была побеждена, потому что ни мгновения не участвовала в борьбе.

Наступила пауза.

– В одном я твердо уверен: она любила человека, которого убила. Она так сильно его любила, что полжизни умерло вместе с ним.

Мистер Фогг умолк и протер свои очки.

– И все же я сам удивляюсь тому, что я вам рассказываю. Я был молодым в то время. Молодым и честолюбивым. Такие вещи потрясают. Все же Кэролайн Крейл – в этом я убежден – была слишком приметной женщиной. Я никогда ее не забуду. Никогда!

Глава 3

Молодой адвокат

Джордж Мейхью оказался настороженным и не очень общительным человеком.

Он, понятное дело, помнил об этом процессе, но не совсем отчетливо. Им занимался его отец, а ему в то время было только девятнадцать лет.

Эта история с Крейлом, знаменитым художником, картины которого ценятся довольно высоко и на самом деле очень талантливы – две из них были в галерее Тэйт, – тогда гремела. Но, пусть извинит мсье Пуаро, он не совсем четко представляет себе, что его интересует. Дочь? Вот как! Она в Канаде? Удивительно, он всегда думал, что она в Новой Зеландии.

Джордж Мейхью немного смягчился.

Страшное событие в жизни девушки. Он ей симпатизирует. Было бы значительно лучше, если бы она никогда не узнала правды. И какая надобность говорить об этом сейчас? Она хочет знать? Да, но что именно можно знать? Есть, конечно, отчет о процессе. Он лично полагает, что не было сомнений насчет виновности миссис Крейл. Конечно, кое-что ее оправдывало. Художники – люди, с которыми не так-то легко жить. Подождите, подождите, гм... Кажется, леди Диттишем была той молодой женщиной, которая замешана в деле.

Пуаро ответил, что именно так.

– Газеты еще иногда вспоминают об этом деле, – прибавил Мейхью. – Потому что эта дама частенько фигурировала в бракоразводных процессах. Теперь, как вам, видимо, известно, она очень богата. До Диттишема была замужем за этим исследователем... И она личность, которая почти все время в той или иной мере находится в центре общего внимания. Она – тип женщины, которой нравится известность.

– И возможно, известные люди, – подсказал Пуаро.

Эта мысль понравилась Джорджу Мейхью.

– Да, конечно, возможно, и так. Вполне возможно.

Пуаро спросил:

– Ваша фирма представляет интересы миссис Крейл на протяжении многих лет?

Джордж Мейхью отрицательно покачал головой:

– Ничего подобного. Юристами у Крейлов были «Джонатан и Джонатан». Однако, принимая во внимание обстоятельства, мистер Джонатан счел неудобным защищать интересы миссис Крейл и договорился с моим отцом, чтобы мы взяли ведение дела на себя. Мне кажется, вам было бы интересно, мсье Пуаро, встретиться со старым Джонатаном. Он сейчас на пенсии – ему под семьдесят... Он знал все интимные дела семьи Крейл и мог бы сказать значительно больше, чем я. Собственно, я не могу вам рассказать абсолютно ничего, я был тогда мальчиком. Мне кажется, что я даже не был на том процессе.

Пуаро поднялся, и Джордж Мейхью, поднявшись также, добавил:

– Возможно, вы сочтете необходимым поговорить с Эдмундсом, нашим административным секретарем. Он тогда работал у нас и проявлял большой интерес к делу.

Эдмундс был не очень-то разговорчив. Глаза его выражали благоразумие и осмотрительность, свойственные законникам. Он внимательно разглядывал Пуаро, пытаясь составить о нем суждение еще до того, как начнется беседа.

– Да, я помню дело Крейл, – сказал он и добавил сурово: – Это была жуткая история. – Эдмундс направил свой проницательный взгляд на Эркюля Пуаро, словно измеряя его. – С тех пор прошло много времени, и не стоит ворошить ее снова.

– Приговор суда не всегда конец дела.

Квадратная голова Эдмундса медленно качнулась в знак согласия.

– Я могу сказать, что вы правы.

Эркюль Пуаро сказал:

– Миссис Крейл оставила девочку.

– Да, я припоминаю. Ее, кажется, отправили к родным за границу? Не так ли?

– Именно так. И дочь твердо убеждена, что ее мать невиновна.

Густые брови мистера Эдмундса поднялись.

– Вот в чем дело!

Пуаро спросил:

– Возможно, есть что-то такое, что вы могли бы мне сообщить и что подкрепило бы эту уверенность девушки?

Эдмундс долго раздумывал, потом покачал головой:

– Честно говоря, не могу утверждать, что есть. Я восхищался миссис Крейл. Кем бы она ни была, она прежде всего была леди. Не то что та, другая, – всего-навсего шлюха. Бесстыдная. Она из тех, что бросаются на шею мужчинам. И не стыдилась показывать это! А миссис Крейл была дамой из высшего общества.

– Что не помешало ей стать убийцей?

Эдмундс нахмурил брови, сказал взволнованно:

– Этот вопрос я ставлю перед собой ежедневно. Она сидела на скамье подсудимых такая спокойная, такая кроткая! «Не могу поверить», – твердил я себе все время. Но... Не знаю, сумеете ли вы меня понять, мсье Пуаро... К сожалению, ни во что иное невозможно было поверить. Яд не мог попасть в пиво мистера Крейла случайно. Его кто-то влил туда. Если это была не миссис Крейл, то кто же?

– В этом и суть, – сказал Пуаро. – Кто?

И снова пронизательные глаза строго ощупали его лицо.

– Итак, каково ваше мнение? – спросил мистер Эдмундс.

– А ваше?

Старик помолчал минуту, затем сказал:

– Но аргументов, которые хотя бы немного помогли, не было. Абсолютно никаких.

– Вы присутствовали на процессе?

– Ежедневно.

– Вы слышали показания?

– Да.

– Вас ничто в них не удивило? Не показалось... неискренним?

Эдмундс ответил коротко:

– То есть кто-то из них врал?.. Но разве у кого-то была причина желать мистеру Крейлу смерти? Извините меня, мсье Пуаро, но я считаю эту идею слишком мелодраматической.

– И все же я прошу вас хоть немного над этим подумать, – настаивал Пуаро.

Он смотрел на умное лицо Эдмундса, в его полные раздумья глаза. Эдмундс покачал головой.

– Мисс Гриер... – произнес он. – Слишком желчна и недоброжелательна! Мне казалось, что при многих вопросах она теряла самообладание. Но Крейл был ей нужен живым, с мертвым ей нечего было делать. Она, понятное дело, хотела видеть миссис Крейл на виселице. И это потому, что смерть лишила ее человека, которого она любила. То была тигрица, у которой вырвали добычу. Нет, мистера Крейла она хотела живого. Филипп Блейк был также против миссис Крейл. Он вонзал в нее нож при любом удобном случае. Но надо признать – он был по-своему честен. С мистером Крейлом они дружили. Его брат, Мередит Блейк, весьма неудачный свидетель-путаник, нерешительный, не уверенный в своих ответах. Я видел много подобных свидетелей: создается впечатление, что они лгут, хотя, по сути, все время говорят правду. Он был не слишком разговорчив, этот Мередит Блейк, и все же адвокат вытянул из него довольно много. Блейк – типичный обыватель, из тех, кого легко сбить

с толку. Зато гувернантка держалась очень хорошо. Не будучи многословной, она отвечала на поставленные вопросы корректно и точно. Слушая ее, невозможно было сказать, на чьей она стороне. Хладнокровная женщина, твердо стоящая на земле. – После короткой паузы он продолжал: – Меня нисколько не удивило бы, если бы оказалось, что она знает об этом деле значительно больше, чем говорила.

– И меня, – сказал Эркюль Пуаро.

Он внимательно посмотрел на морщинистое лицо Альфреда Эдмундса. Сейчас оно было абсолютно равнодушным. Эркюль Пуаро не сомневался, что попал на верный след.

Глава 4

Старый адвокат

Мистер Калев Джонатан жил в Эссексе. После учтвого обмена письмами Пуаро получил приглашение – почти королевское по форме и стилю – поужинать и остаться на ночь. Пожилой джентльмен был колоритной фигурой. После пресных блюд Джорджа Мейхью он подействовал на Пуаро словно стакан старого доброго портвейна.

Где-то около полуночи, смакуя выдержанный ароматный коньяк, мистер Джонатан разговорился. Он оценил дипломатичность Пуаро, который тактично удерживался от того, чтобы подгонять его, и теперь счел, что настало время обсудить тему семьи Крейл.

– Наша фирма обслуживала много поколений этой семьи. Я знал Эмиаса Крейла и его отца, Ричарда Крейла, помню даже Эноха Крейла – деда. Все предки Эмиаса – помещики, которые больше занимались лошадьми, чем человеческими созданиями. Прекрасно ездили верхом, любили женщин и не очень интересовались искусством и политикой. Они пренебрегали политикой. Только жена Ричарда Крейла была полна идей. В ней их было больше, чем здравого смысла. Она имела поэтические и музыкальные способности и неплохо играла на арфе. Немного болезненная, она все же казалась прекрасной, когда лежала на своей софе; была поклонницей Кингсли¹, поэтому и назвала своего сына Эмиасом. Отец, правда, кривился – он считал это имя комичным, но смирился. Эмиас Крейл получил в полной мере двойную наследственность. От своей матери унаследовал артистический вкус, а от отца – силу, чувство собственника и безжалостный эгоизм. В семье Крейл все были эгоистами. Ни за что на свете ни один из них не допустил бы иной точки зрения, кроме собственной.

Постукивая пальцами по подлокотнику кресла, старый Джонатан пристально посмотрел на Пуаро.

– Вы меня поправьте, если я ошибаюсь, мсье Пуаро. Мне кажется, вас интересует психология действующих лиц, если можно так выразиться.

Пуаро ответил:

– Это именно то, что составляет для меня наибольший интерес во всех случаях, которые я расследовал.

– Понимаю. Так сказать, стремитесь войти в шкуру подозреваемого. Превосходно! Наша фирма обычно никогда не имела клиентов из преступного мира. Мы не были бы в состоянии вести дело миссис Крейл, даже если бы профессиональная этика и позволяла это. Зато фирма Мейхью была подходящей. Они наняли Деплича, доказав этим самым в некоторой степени отсутствие фантазии. Деплич был чрезвычайно дорогим и излишне драматичным! Им не хватило сообразительности разобраться в том, что Кэролайн Крейл никогда не будет играть роль в стиле Деплича. Кэролайн не была романтической героиней.

– А какой же она была, хотел бы я знать? – спросил Пуаро.

– То есть как она дошла до такого поступка? Это вопрос по существу. Я знал ее, видите ли, до замужества. Звали ее Кэролайн Спелдинг. Это было порывистое, несчастное создание. Мать ее осталась смолоду вдовой, и Кэролайн очень ее любила. Потом мать вторично вышла замуж, родился еще один ребенок. Это слишком грустно...

– Кэролайн ревновала?

– Чрезвычайно! Тогда и произошел печальной памяти несчастный случай. Бедный ребенок, она впоследствии горько раскаивалась в содеянном. Но, как вы знаете, мсье Пуаро,

¹ Кингсли Чарльз (1819–1875) – английский прозаик, представитель христианского социализма в Англии. Писал романы на социальные и исторические темы. Героя одного из наиболее известных его романов, «Эй, на Запад!», зовут Эмиас.

такие вещи порой случаются, когда человек не способен сдержаться. С возрастом это проходит.

– Что же случилось? – спросил Пуаро.

– Кэролайн ударила свою маленькую сестру по голове пресс-папье. Девочка перестала видеть на один глаз, осталась изуродованной на всю жизнь. – Мистер Джонатан вздохнул, затем продолжал: – Представляете, какой эффект произвел бы на процессе вопрос об этом случае? – Он покачал головой. – Это создало бы впечатление, что Кэролайн имела импульсивный, не поддающийся контролю характер. Но это неправильно. Совсем неправильно!

Он помолчал и наконец решил рассказать обо всем, что знал:

– Кэролайн Спелдинг часто приезжала в Олдербери. Ричард Крейл хорошо к ней относился. Кэролайн была исполнена уважения к миссис Крейл и этим ей нравилась. Она подружилась с сестрой Эмиаса, Дианой Крейл. Филипп и Мередит Блейки – парни из соседнего поместья – часто приходили в Олдербери. Филипп всегда смахивал на маленького бессовестного бесенка, жадного к деньгам. Должен признаться, что этот мальчик мне всегда был неприятен. Но мне сказали, что он хороший рассказчик анекдотов и имеет репутацию преданного друга. Мередит был человеком, которого в мое время называли чудачком. Ему нравились растения и бабочки, нравилось наблюдать за птицами и зверями. Изучение природы, как это теперь называется. Что и говорить, то молодое поколение вызывало разочарование у родителей. Ни один из них не увлекался охотой, верховой ездой, рыбной ловлей. Мередит считал, что лучше наблюдать за животными, нежели стрелять в них. Филипп стремился жить в городе. Он взялся за свое ремесло – делать деньги. Диана вышла замуж за отставного офицера, демобилизованного после войны. А Эмиас – здоровый, красивый и мужественный – вырос и стал ни больше ни меньше – художником! Мне кажется, что Ричард Крейл умер от разочарования.

Между тем Эмиас женился на Кэролайн Спелдинг. Они постоянно ссорились, бранились, но все-таки это был брак по любви. Молодожены безумно любили друг друга. И это чувство сохранилось надолго, хотя Эмиас, как и все из его семьи, был законченным эгоистом. Он любил Кэролайн, она была ему дорога, но он с ней никогда не считался. Он делал только то, что ему хотелось. По-моему, он любил ее настолько, насколько мог. Ее место в его душе было вторым после искусства. Живопись стояла на первом плане. Я уверен, ни одной женщине не было дано потеснить искусство в его сердце. С ним случались приключения, которые служили ему стимулом, но он все бросал, когда надоедало. Эмиас не был сентиментальным или романтическим, но и не жил только чувствами. Единственная женщина, которая когда-либо что-то для него значила, – это его собственная жена. И она, зная об этом, многое ему простила. Эмиас пускался в погоню за любовными приключениями, а потом возвращался к ней снова, с новой картиной, которая его оправдывала. Все это так бы и продолжалось, если бы не Эльза Гриер... – Мистер Джонатан покачал головой.

– А что с Эльзой Гриер? – спросил Пуаро.

Мистер Джонатан дал совершенно неожиданный ответ:

– Бедный ребенок! Бедный ребенок!

– Вы так считаете? Таковы ваши чувства по отношению к ней?

– Возможно, потому что я уже стар, но я, мсье Пуаро, нахожу в беззащитности молодости кое-что такое, что доводит меня до слез. Молодость так уязвима... Она жестока, но в то же время не уверена в себе, великодушна и одновременно требовательна.

Он поднялся, подошел к книжному шкафу, взял с полки книгу, полистал ее и громко прочел:

«Еще два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,

Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придет мой человек
Узнать на этот счет твое решенье.
Я все добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду».²

Устами Джульетты говорят любовь и молодость. Безудержно откровенно, без так называемого девичьего целомудрия. Это – смелость, настойчивость, безжалостная сила молодости. Шекспир хорошо знал ее, эту молодость. Джульетта избрала Ромео, Дездемона жаждет Отелло. У молодых нет сомнений, нет страха, нет ложной гордости.

Пуаро проговорил задумчиво:

– Выходит, по-вашему, Эльза Гриер говорила словами Джульетты?

– Да, она была ребенком. Избалована судьбой, молода, красива, богата. Она нашла себе друга и жаждала его. Это был не юный Ромео, а художник средних лет, женатый. Для Эльзы не существовало какого бы то ни было кодекса, который мог бы остановить ее. Ее кредо было созвучно современному девизу: «Берите все, что хотите! Мы живем только раз!»

Джонатан вздохнул, откинулся на спинку кресла и снова начал постукивать пальцами по подлокотнику.

– Хищная Джульетта! Молодая, безжалостная, но страшно уязвимая, она поставила под удар все. Видно, она надеялась выиграть, но в последний миг на сцену вышла смерть. И тогда живая, несдержанная Эльза умерла, оставив вместо себя мстительную, холодную, жестокую женщину, которая всей душой ненавидела ту, рука которой перечеркнула все ее надежды...

Он сменил тон.

– Да, да! Извините меня за такой переход к мелодраме. Молодая женщина с жестокими и примитивными взглядами на жизнь. Вообще персонаж неинтересный: посредственная девушка, которая ищет героя, чтобы поставить его на незанятый пьедестал.

Пуаро сказал:

– Если бы Эмиас Крейл не был знаменитым художником...

Джонатан поспешил подтвердить:

– Именно так, именно так! Вы прекрасно уловили суть. Девушки, подобные Эльзе, обожествляют знаменитостей. Мужчина должен чего-то достигнуть... Кэролайн могла бы полюбить и страхового агента, и банковского клерка. Она любила в Эмиасе мужчину, а не художника. И при этом не шла напролом, как Эльза... Но Эльза была молодой, красивой и, по-моему, ранимой.

Эркуль Пуаро попрощался и в задумчивости отправился спать. Проблема личности всегда его волновала. Для Эдмунда Эльза была игривой, ни больше ни меньше; для старого Джонатана – извечной Джульеттой. А Кэролайн Крейл? Все видели ее по-разному. Деплич относился к ней с презрением, потому что она с самого начала отказалась от борьбы. Для молодого Фогга Кэролайн олицетворяла романтизм. Эдмунд видел в ней лишь леди. Джонатан описал ее как пылкую, но скрытную женщину. А какой бы представил ее он, Эркуль Пуаро?

«От ответа на этот вопрос, – подумал он, – зависит успех расследования. До сего времени никто из тех, с кем я имел беседу, не сомневался в том, что, кем бы ни была Кэролайн Крейл, она все же убийца».

² Шекспир В. Ромео и Джульетта, акт II.

Глава 5

Инспектор полиции

Инспектор полиции в отставке Хейл задумчиво раскурил трубку и сказал:

– Что за странная идея, мсье Пуаро?

– В самом деле, она немного необычна.

– Ведь с тех пор прошло столько времени...

Эркюль Пуаро предчувствовал, что скоро эта фраза ему надоест. Поэтому коротко ответил:

– Что, разумеется, еще усложняет дело.

– Ворошить старое, – рассуждал инспектор. – Если бы хоть была какая-то цель.

– Цель есть.

– Какая?

– Кое-кто пытается отыскать правду ради самой правды. Мне, например, нравится правда. И кроме того, не следует забывать молодую девушку.

– Да, я понимаю ее, но, извините, мсье Пуаро, вы же изобретательный человек. Почему бы вам не придумать для нее какую-нибудь легенду?

– Вы не знаете этой молодой девушки.

– Ну и что? Для человека с вашим опытом...

Пуаро выпрямился.

– Очень возможно, мой друг, что я мастер в искусстве лжи. Такова, кажется, ваша мысль? Однако у меня другие взгляды на то, что называется моралью. У меня есть свои принципы.

– Извините, мсье Пуаро, я не хотел обидеть вас. Но это была бы ложь ради благородного дела, если можно так выразиться.

– Вы так считаете?

Хейл спокойно пояснил:

– Огромное горе для девушки – счастливой, невинной, обрученной – узнать, что ее мать была убийцей. На вашем месте я пошел бы к ней и сказал, что, по сути, это было самоубийство, что Деплич не провел следствия всерьез, поскольку это было очевидно. А что касается вас, то вы несколько не сомневаетесь в самоубийстве Крейла.

– Но у меня тысячи сомнений! Я ни за что не поверю, что Крейла отравил. А вы лично полагаете, что существует какая-то возможность доказать эту версию?

Хейл отрицательно покачал головой.

– Вот видите! Мне необходима правда, а не ложь – правдоподобна она или нет.

Хейл повернул голову. Его квадратное красноватое лицо, казалось, еще больше краснеет.

– Вы говорите о правде. Я и сам хотел, чтобы мы узнали истину в деле Крейла.

Пуаро выпалил скороговоркой:

– Эта ваша мысль имеет для меня огромное значение! Я знаю вас как добропорядочного и способного человека. Но скажите мне: у вас ни на миг не закрадывалось сомнение относительно вины миссис Крейла?

Инспектор ответил сразу же:

– Никакого сомнения, мсье Пуаро. Обстоятельства обвиняли ее с самого начала, а факты подкрепили эту точку зрения.

– Вы могли бы мне изложить резюме доказательств против нее?

– Конечно, могу. Получив ваше письмо, я просмотрел дело. – Он вытащил блокнот. – Я записал тут важнейшие факты.

– Искренне благодарен. С нетерпением слушаю.

Хейл откашлялся, голос его принял немного официальный тон:

– В два часа сорок пять минут пополудни восемнадцатого сентября инспектор Конвей был приглашен к телефону доктором Эндрю Фоссетом, который сообщил, что мистер Эмиас Крейл из Олдербери внезапно умер. И что, принимая во внимание обстоятельства смерти и некоторые утверждения мистера Блейка, гостя дома, он считает, что этот случай должен заинтересовать полицию. Инспектор Конвей в сопровождении комиссара и полицейского хирурга выехали немедленно в Олдербери. Доктор Фоссет, который находился там, провел их к месту, где лежал труп Крейла – точь-в-точь в том положении, в каком был найден. Мистер Крейл в тот день рисовал в небольшом саду, который назывался «сад-батарея» (он выходил к морю, и там стояла миниатюрная пушка, установленная на зубчатой стене). Садик находился приблизительно в четырех минутах ходьбы от дома. Мистер Крейл не пошел к ленчу домой, потому что хотел добиться определенных световых эффектов на камне, а позднее солнце не годилось. Таким образом, он остался в саду один, чтобы рисовать, что, по свидетельству домашних, не было чем-то необычным. Мистер Крейл вообще очень мало уделял внимания еде. Иногда ему посылали сэндвич, а в большинстве случаев он просил, чтобы его не тревожили. Последними, кто видел его в живых, были мисс Эльза Гриер и мистер Мередит Блейк (сосед). Сначала они шли вдвоем, а потом присоединились к другим. После еды, по обычаю, пили на веранде кофе. Миссис Крейл сидела вместе со всеми, потом сказала, что пойдет в сад посмотреть, что подельывает Эмиас. Мисс Сесили Уильямс, гувернантка, пошла с ней. Она искала пуловер своей подопечной, Анджелы Уоррен, сестры миссис Крейл; девочка где-то его потеряла. Они шли вместе. Тропинка вела через лес до самой калитки «сада-батареи», ею можно было идти до самого берега моря. Мисс Уильямс отправилась далее, на пляж, а миссис Крейл завернула в сад. Она сразу же закричала, и мисс Уильямс быстро возвратилась назад. Мистер Крейл сидел на скамье. Он был мертв. По требованию миссис Крейл мисс Уильямс побежала к дому, чтобы по телефону вызвать врача. По дороге встретила Мередита Блейка и, передав ему это поручение, возвратилась к миссис Крейл, чтобы помочь ей. Врач – доктор Фоссет – прибыл через пятнадцать минут. Он сразу же определил, что Крейл мертв уже достаточно давно; вероятно, он умер между первым и вторым часом дня. Не было ничего, что могло бы подсказать причину смерти. Ни следа ранения, ни каких-либо иных признаков насилия. Доктор Фоссет, который хорошо знал состояние здоровья Крейла, в частности и то, что он не страдал никакой болезнью или сердечной недостаточностью, расценил обстановку как крайне серьезную. И Филипп Блейк сделал доктору Фоссету некоторые сообщения.

Инспектор Хейл умолк, передохнув.

– Позднее мистер Блейк сделал такое же заявление инспектору Конвею. Он, мол, получил в то утро сообщение по телефону от своего брата, Мередита Блейка, который жил в Хандкросс-Мэнор, в полутора милях, и на досуге занимался химией, точнее говоря – изготовлением лечебных препаратов из трав. Мередит заявил, что, зайдя в то утро в свою лабораторию, он с удивлением заметил, что одна бутылка, в которой была цикута, оказалась почти пустой. Взволнованный этим, он позвонил по телефону своему брату и спросил, что ему делать. Филипп Блейк настойчиво попросил его немедленно прийти в Олдербери, чтобы обсудить этот вопрос, сам же пошел ему навстречу. В Олдербери они пришли вдвоем, так и не найдя какого-то ответа. Решили возвратиться к этому после ленча. В результате позднейшего обследования инспектор Конвей установил, что за день до убийства, после обеда, пять человек пришли из Олдербери в Хандкросс-Мэнор на чашку чаю: мистер и миссис Крейл, мисс Анджела Уоррен, мисс Эльза Гриер и мистер Филипп Блейк. За чаем Мередит Блейк прочитал гостям целую лекцию о своем увлечении химией и пригласил всех осмотреть его лабораторию. Во время осмотра он рассказал о некоторых специфических медикаментах, в

том числе и о цикуте, объяснил ее свойства, жалея, что такой ценный препарат исключили из фармакопеи, хвалился своим открытием – малые дозы цикуты, мол, особенно эффективны при лечении коклюша и астмы. Мередит Блейк рассказал также о смертоносных свойствах цикуты и даже прочитал гостям несколько строчек одного греческого автора, который описывал ее влияние на организм.

Инспектор Хейл набил трубку, а потом повел разговор дальше:

– Полковник Фрер поручил дело мне. Результат анализа исключал всякие сомнения. Следы цикуты, как я понял, трудно обнаружить в организме, однако врачи уже знали, что надо искать, и было выявлено значительное количество этого яда. Установили, что яд был принят за два или три часа до смерти. На столе перед мистером Крейлом была найдена пустая бутылка из-под пива. Остатки в стакане и в бутылке были взяты на анализ. В бутылке цикуты не обнаружили, но она нашлась в стакане. В результате расследования я узнал, что в беседке «сада-батареи» постоянно стоял ящик с пивом и стаканы – на тот случай, если мистеру Крейлу во время работы захочется пить. В то утро, однако, миссис Крейл принесла бутылку пива из холодильника. Когда она пришла, мистер Крейл был занят работой, мисс Гриер ему позировала, сидя на одном из выступов стены. Миссис Крейл откупорила бутылку, налила пива и подала стакан мужу, который стоял за мольбертом. Крейл выпил залпом. Это было, как я узнал, его привычкой. Потом он поморщился, поставил стакан на стол и сказал: «Сегодня мне все кажется прескверным на вкус». Мисс Гриер рассмеялась и сказала: «Это все твоя печень». На это мистер Крейл сказал: «Во всяком случае, пиво было холодное».

Пуаро спросил:

– В котором часу это произошло?

– Приблизительно в одиннадцать с четвертью. Мистер Крейл все еще работал. По свидетельству мисс Гриер, позднее он начал жаловаться, будто у него мерзнут руки и ноги, но это, видимо, обострение ревматизма. Но Крейл был человеком, который не мог даже думать о какой-то болезни, и, бесспорно, не обращал внимания на состояние своего здоровья. На мой взгляд, тот факт, что он чуть ли не со злостью попросил всех пойти есть и оставить его одного, для него вполне характерен.

Пуаро кивнул.

– Таким образом, он остался в саду один. Вне всякого сомнения, Крейл сразу же сел на скамью, чтобы немного отдохнуть. Потом наступил мышечный паралич. Не получив никакой помощи, мистер Крейл умер.

И снова Пуаро кивнул.

Хейл продолжал:

– Я взялся за это дело. Восстановить события было нетрудно. Днем раньше состоялся разговор между миссис Крейл и Эльзой Гриер. Последняя будто бы нахально показывала, как она переставит мебель, когда будет жить здесь. Она так и сказала: «Когда буду жить здесь». На это миссис Крейл немедленно ответила: «То есть как это, когда вы будете жить здесь?..» – «Не прикидывайтесь, будто вы не понимаете, о чем разговор, Кэролайн. Вы – словно страус, который прячет голову в песок. Вы прекрасно знаете, что мы собираемся пожениться». Миссис Крейл ответила: «Я совсем ничего не знаю!» Тогда Эльза сказала: «Что ж, так знайте это теперь». Можно догадаться, что миссис Крейл обратилась к мужу, который как раз зашел в комнату: «Это правда, Эмиас, что ты женишься на Эльзе?..»

Пуаро спросил с нескрываемым интересом:

– И что же ответил мистер Крейл?

– Он будто бы повернулся к Эльзе и закричал: «Какого черта ты болтаешь? У тебя не хватает разума помолчать!» Эльза сказала: «Лучше, если Кэролайн будет знать правду». Миссис Крейл спросила мужа: «Это правда, Эмиас?»

Избегая ее взгляда, он отвернулся и что-то пробормотал. Но миссис Крейл настаивала: «Говори! Я должна знать!» На это он ответил: «Правда-то оно правда, но я не имею намерения сейчас об этом рассуждать», – и, точно вихрь, вылетел из комнаты. Мисс Гриер сказала: «Вот видите!» И продолжала – мол, бесполезно упираться и становиться на их пути, они все должны вести себя честно. Лично она надеется, что Эмиас и Кэролайн останутся и в дальнейшем хорошими друзьями.

– И что же сказала миссис Кэролайн? – заинтригованно спросил Пуаро.

– По словам свидетелей, она просто рассмеялась Эльзе в лицо: «Через его труп, Эльза», – и направилась к двери. Эльза закричала ей вслед: «Что вы хотите этим сказать?» Миссис Крейл обернулась и бросила: «Я убью Эмиаса, но не отдам его вам».

Хейл умолк.

– Как будто специально для того, чтобы вызвать обвинение в убийстве, не правда ли?

Пуаро задумался.

– Кто присутствовал при этом?

– В комнате находились мисс Уильямс и Филипп Блейк. Для них это была неожиданность.

– Их показания совпадают?

– Вы никогда не найдете двух свидетелей, которые бы вспомнили об одном и том же одинаково. Вы об этом знаете, мсье Пуаро, не хуже меня.

Пуаро кивнул, затем задумчиво промолвил:

– Так, интересно было бы посмотреть... – и остановился, не закончив фразы.

Хейл продолжал:

– Я поручил произвести обыск в доме. В спальне миссис Крейл в нижнем ящике комода, под темными чулками, нашли флакончик из-под духов «Жасмин». Бутылочка оказалась пустой. Я снял отпечатки пальцев. Они принадлежали миссис Крейл. Анализ показал незначительные остатки жасминового масла и концентрированный раствор гидробромила цикуты. Я обратил на это внимание миссис Крейл и показал ей флакон. Она ответила без замешательства, что, мол, находилась в очень угнетенном состоянии и, услышав рассказ Мередита Блейка о цикуте, проскользнула в лабораторию, опорожнила флакончик жасминовых духов, что был у нее в сумке, и наполнила его цикуты. На мой вопрос, зачем она это сделала, ответила: «Я не хотела бы говорить о некоторых вещах больше того, что необходимо, ведь я испытала тяжелый удар, мой муж имел намерение уйти от меня к другой женщине. Если бы это случилось, я больше не стала бы жить. Поэтому я взяла яд».

Пуаро заметил:

– Это, впрочем, довольно правдоподобно.

– Возможно, мсье Пуаро. Но не соответствует тому, что кое-кто слышал от нее. И потом – сцена, происшедшая на следующее утро. Филипп Блейк невольно услышал часть одного разговора, а Эльза Гриер – другую. Состоялся разговор в библиотеке, между мистером и миссис Крейл. Филипп Блейк был в холле, а Эльза Гриер во дворе, около открытого окна библиотеки.

– И что же они услышали?

– Мистер Блейк слышал, как миссис Крейл сказала: «Ты и твои женщины... Я бы убила тебя! Когда-нибудь я убью тебя!»

– Даже ни намек на самоубийство?

– Именно так. Ни единого! Ничего похожего на «Если ты это сделаешь, я покончу с собой». Показания мисс Гриер и Филиппа Блейка очень схожи. По ее словам, мистер Крейл произнес: «Попробуй разумно разобраться в этом, Кэролайн. Я сердечно отношусь к тебе и всегда буду желать добра тебе и ребенку. Но я женюсь на Эльзе. Мы с самого начала договорились, что будем свободны в своем браке, не так ли?» На это миссис Крейл ответила:

«Чудесно! Чтоб ты потом ни говорил, что я тебя не предупреждала...» – «О чем ты?» – спросил он. И она ответила: «Я люблю тебя и не собираюсь терять. Я скорее убью тебя, чем позволю уйти к этой девке».

Пуаро чуть задвигался.

– Мне кажется, – пробормотал он, – слишком неразумно со стороны Эльзы Гриер вызывать подобные реакции. Тем паче что миссис Крейл могла довольно просто отказаться от развода.

– У меня было несколько показаний свидетелей по этому поводу, – сказал Хейл. – Миссис Крейл кое-что рассказала Мередиту Блейку. Это их старый и верный друг. Крайне удрученный, он обменялся с мистером Крейлом некоторыми мыслями. Это было, я думаю, на следующий день. Мистер Блейк упрекал своего друга, тактично сказав ему, каким для него было бы огорчением, если бы такая семья, как семья Крейл, разрушилась. Кроме того, он подчеркнул и тот факт, что Эльза Гриер слишком молода и что едва ли разумно таскать молодую девушку по судам. На это мистер Крейл ответил, улыбаясь: «У Эльзы совсем иные мысли на этот счет. Она являться в суд не будет. Мы все уладим как надо».

Пуаро заметил:

– Тем более неосмотрительно со стороны мисс Гриер выдавать свои планы.

Инспектор Хейл воскликнул:

– Вы же знаете женщин! Они способны схватить соперницу за горло! Во всяком случае, ситуация была, наверное, очень сложная. Не могу понять, как мог мистер Крейл допустить, чтобы все так случилось. Как полагает Мередит Блейк, он прежде всего хотел закончить свою картину. Вы считаете, это имеет какой-то смысл?

– Да, любезный друг. Я считаю, что имеет.

– А я – нет. Выходит, что он сам днем с огнем искал себе беду?

– Наверное, он был очень сердит на девушку из-за того, что она все выболтала.

– О, он был разгневан! Об этом говорил и Мередит Блейк. Но если он все же должен был закончить картину, то я не понимаю, почему он не мог работать с фотографией? Я знаю одного парня, который рисует таким образом пейзажи... Еще как рисует!

Пуаро покачал головой.

– Я понимаю Крейла-художника. И вы должны понять, что в то время для Крейла, видимо, не существовало ничего, кроме его картины. Как бы он ни хотел жениться на девушке, на первом плане все равно была картина. Поэтому он и надеялся, что закончит ее до того, как их отношения станут известны. А девушка воспринимала все иначе. У женщин на первом плане всегда любовь.

– А то я не знаю, – сказал Хейл с пренебрежением.

– Но мужчины, – продолжал Пуаро, – а особенно художники, думают иначе.

– Художники... – презрительно бросил инспектор полиции. – Болтовня об искусстве...

Я никогда его не понимал и никогда, видимо, не пойму! Посмотрели бы вы на ту картину, которую нарисовал Крейл! Совсем лишена симметрии. Он изобразил девушку, у которой как будто болят зубы. А стена вышла совсем кривой. Неприятно смотреть. Долгое время я не мог избавиться от этого изображения. Оно мне являлось даже во сне. Больше того, оно испортило мне зрение: мне везде начали мерещиться зубцы, стены и прочая ерунда. Ну и женщины, конечно.

Пуаро улыбнулся:

– Вы не отдаете себе отчета, что делаете комплимент искусству Крейла.

– Ничего подобного! Разве художник не может создать что-то такое милое и веселое, приятное для глаза? Зачем он вкладывает столько сил, а рисует бог знает что?

– Кое-кто из нас, мой друг, находит красоту в странных вещах.

– Девушка была хороша, ничего не скажешь. На лице будто маска из грима, а на самой почти ничего. Не забывайте, что все это происходило шестнадцать лет тому назад. Возможно, сегодня никто бы ничего и не сказал. Но тогда... Меня и то шокировало. Шорты и блузка из грубого полотна, слишком открывающая белую шею, и больше ничего!

– Я вижу, вы помните довольно хорошо эти подробности, – не без лукавства заметил Пуаро.

Хейл покраснел.

– Я только передаю вам те впечатления, которые у меня остались от картины, – сурово ответил он.

– Конечно, конечно, – успокоил его Пуаро. – Выходит, главными свидетелями против миссис Крейл были Филипп Блейк и Эльза Гриер?

– Вот именно. И оба держали себя вызывающе. Как свидетель была вызвана и гувернантка. Ее показания произвели большое впечатление на присяжных. Она была полностью на стороне миссис Крейл, всем своим существом. Но она честная женщина и говорила правду, не пытаясь каким-то образом обвинить кого-либо.

– А Мередит Блейк?

– Он был страшно расстроен этой историей. И была причина! Он укорял себя за свое пристрастие к изготовлению лекарств из растений. В этом упрекала его и полиция. Цикута упоминается в параграфе первом закона об отравителях. Но он отделался лишь строгим предупреждением. Поскольку Блейк был другом и мистера Крейла, для него это было тяжелым ударом. К тому же, будучи человеком замкнутым, нелюдимым, он не терпел сплетен.

– Младшая сестра миссис Крейл не давала показаний?

– Нет. Не было необходимости. Она не слыхала, как миссис Крейл угрожала своему мужу, а все остальное мы в такой же мере могли узнать от других. Она только видела, как миссис Крейл подошла к холодильнику и достала оттуда бутылку пива. Конечно, защита могла пригласить ее явиться на процесс для того, чтобы заявить, что миссис Крейл отнесла бутылку прямо в сад, ничего в нее не доливая. Но это не имело никакой связи с делом, поскольку мы совсем не утверждали, что в бутылке с пивом была цикута.

– Как ей удалось влить цикуту в стакан в присутствии еще двух человек – ведь они могли это увидеть?

– Во-первых, они не смотрели. Мистер Крейл рисовал, его внимание было занято картиной и натурщицей. А мисс Гриер позировала и сидела почти спиной к миссис Крейл.

Пуаро понимающе кивнул.

– Никто не следил за миссис Крейл. Цикута была у нее в пузырьке. Мы нашли осколки на тропинке, ведущей к дому.

Пуаро пробормотал:

– У вас готовы ответы на все вопросы.

– Давайте говорить честно, мсье Пуаро! Она угрожает, что убьет его; похищает цикуту; почти пустой флакон найден в ее комнате. И никто не трогал флакон, кроме нее. По собственной инициативе она несет ему в сад холодное пиво. Это же весьма странно, если учесть, что они были в ссоре.

– Удивительно! Я это не учел.

– Ну вот, это ее и выдало. Почему вдруг она стала такой заботливой?.. Он жалуется на вкус пива, и в самом деле, у цикуты отвратительный вкус. И обставлено все так, чтобы именно она первая нашла труп и послала другую женщину позвонить по телефону. Почему? Чтобы иметь возможность, обтерев стакан, прижать пальцы Крейла к стеклу, а потом утверждать, что, терзаясь душевными муками, он покончил жизнь самоубийством. Как видите, история сочинена довольно правдоподобная.

– Не очень.

– Я думаю, она даже не стала утруждать себя, чтобы все обдумать. Ее мучили ненависть и ревность! Единственной ее мыслью было уничтожить его. А потом, когда это случилось, когда она увидела его мертвым, – только тогда опомнилась и поняла, что натворила. Это было убийство, а за это карают виселицей. Тогда в отчаянии, не очень задумываясь, она ухватилась за единственную версию, какая пришла ей в голову, – самоубийство.

– Все, что вы говорите, очень хорошо обосновано. Да, возможно, ее рассудок действовал в этом направлении.

– Это было и в то же время не было преднамеренным преступлением, – сказал Хейл. – Я не утверждаю, что она совершила его, заранее все взвесив, просто-напросто она действовала в каком-то ослеплении.

Пуаро пробормотал:

– Я спрашиваю сам себя...

Хейл удивленно посмотрел на него.

– Теперь я убедил вас, мсье Пуаро, что перед нами вполне ясное дело?

– Не совсем. Есть еще два-три непонятных пункта.

– Вы можете подсказать иное решение, которое бы выдержало критику?

Пуаро вместо ответа спросил:

– Как провели то утро другие персонажи?

– Я и этим интересовался, будьте уверены. Я проверил каждого в отдельности. Никто из них не имел алиби. Собственно, его и нельзя иметь, когда речь идет об убийстве с помощью яда. Так, нельзя помешать кому-нибудь дать жертве пилюльку с отравой, уверив, что это специфическое средство от несварения желудка и что принимать его следует перед едой... А потом удрать в другой конец Англии.

– Но вы же, мистер Хейл, не считаете, что так могло произойти в нашем случае?

– Мистер Крейл не страдал несварением. Во всяком случае, я не вижу возможности подобного решения. Правда, мистер Мередит Блейк претендовал на роль человека, осведомленного в медицине, и рекомендовал много всяких средств, им же изготовленных, но я не слышал, чтобы мистер Крейл попробовал хоть какое-нибудь из них. С другой стороны, какой смысл Мередиту Блейку убивать Крейла? Все говорит о том, что они были в прекрасных отношениях. Как и другие. Филипп Блейк – его лучший друг. Мисс Гриер влюблена в него. Мисс Уильямс его недолюбливала, как я считаю, не без основания, но моральное осуждение не ведет к отравлению. Маленькая мисс Уоррен постоянно с ним ссорилась – она была в таком неблагодарном возрасте и должна была идти в школу-интернат, но на самом деле они хорошо относились друг к другу. В их семье, это вам известно, к мисс Уоррен относились с особой заботой и любовью. Вы, вероятно, слышали, по какой причине. В детстве ее ударила разгневанная миссис Крейл. Это и свидетельствует – не так ли, – что она была человеком, который слишком плохо контролирует свои поступки. Ударить ребенка и покалечить его на всю жизнь!

– Это могло быть причиной того, – задумчиво сказал Пуаро, – что у Анджелы Уоррен были серьезные основания злиться на Кэралайн Крейл.

– Может быть, но не на Эмиаса Крейла. Во всяком случае, миссис Крейл была очень привязана к своей младшей сестре. Она взяла ее к себе в дом, когда умерли ее родители, и очень заботилась о ней. Говорят даже, что она ее чересчур баловала. И девочка очень любила миссис Крейл. Во время процесса ее держали в стороне, насколько это было возможно. Миссис Крейл, мне кажется, очень настаивала на этом. Зато ребенок был чрезвычайно обижен и очень хотел видеть сестру. Но Кэралайн не соглашалась на свидание, поскольку, мол, это может негативно повлиять на душевное состояние девочки. Она позаботилась, чтобы ее отправили учиться за границу.

И мистер Хейл добавил:

– Сегодня мисс Уоррен стала выдающейся женщиной. Она путешествует по свету, делает доклады в Королевском географическом обществе...

– И никто уже не вспоминает о суде над ее сестрой?

– Во-первых, у них разные фамилии. Даже девичьи фамилии у них разные. У них одна мать, но разные отцы. Фамилия госпожи Крейл была Спелдинг.

– Мисс Уильямс была гувернанткой ребенка миссис Крейл или Анджелы Уоррен?

– Анджелы. Но и дочь миссис Крейл брала ежедневно несколько уроков у мисс Уильямс.

– Где находился ребенок во время суда?

– Ездил с няней проведать бабушку, леди Тресильян. Это вдова, которая потеряла двух дочерей и очень любила маленькую.

Пуаро кивнул.

– Так, так...

Хейл продолжал:

– Что касается того, как провели время остальные лица в день преступления, то могу рассказать. Мисс Гриер после завтрака сидела на террасе, у окна библиотеки. Оттуда она и слышала ссору между Крейлом и его женой. Потом она пошла с Крейлом в «сад-батарею» и позировала ему до самого обеда, с некоторыми перерывами для отдыха. Филипп Блейк после завтрака был дома и невольно слышал беседу. После того как мисс Гриер ушла, Блейк читал газету, пока ему не позвонил брат. Затем он пошел навстречу брату. Они поднимались вдвоем по тропинке мимо «сада-батареи». Мисс Гриер как раз направлялась к дому взять свой пуловер, так как ей стало холодно. Миссис Крейл советовалась со своим мужем, когда отправлять Анджелу в школу.

– Дружеский разговор?

– Гм, нет, не совсем дружеский. Крейл кричал на нее, в полном смысле слова. Он нервничался, что она пришла надоедать ему с подобными домашними мелочами. Я подозреваю, что она хотела уточнить некоторые вещи на тот случай, если произойдет разрыв.

Пуаро понимающе наклонил голову.

Хейл рассказывал:

– Братья обменялись несколькими словами с Эмиасом Крейлом. Потом появилась и мисс Гриер и снова заняла свое место. Крейл взял кисть с явным намерением избавиться ото всех. Поняв намек, братья пошли домой. Еще в саду Эмиас Крейл жаловался, что пиво, которое там было, теплое и что жена, мол, обещала принести ему холодного, из холодильника.

– Да, конечно!

– Именно так! Кэролайн хотела быть безупречной. Братья пошли домой и сидели на террасе. Миссис Крейл с Анджелой принесли им пива. Потом Анджела пошла к морю купаться, а Филипп Блейк – вслед за ней. Мередит спустился на полянку, где стояла скамейка, как раз над «садом-батареями». Оттуда он мог видеть мисс Гриер, которая позировала, мог слышать их голоса. Не зная, что ему делать, он сидел и ломал голову – куда могла исчезнуть цыкута. Эльза Гриер заметила его и махнула рукой. Когда зазвонили к ленчу, Мередит спустился в сад и возвратился в дом вместе с Эльзой Гриер. Тогда же он увидел, что у Крейла был, как он выразился, довольно странный вид, но не придал этому никакого значения. Крейл никогда не болел, так что никто не мог себе представить его нездоровым. К тому же он имел свои странности – и в гневе и в печали, особенно тогда, когда у него что-то не ладилось. В таких случаях его надо было оставить в покое и поменьше тревожить. Они так и сделали. Что касается других – слуги были заняты хозяйством и подготовкой к ленчу; мисс Уильямс провела часть утра в учебной комнате, проверяя тетради, потом занялась рукоделием, сидя на террасе; Анджела Уоррен много времени провела в саду, лазила по деревьям и лакомилась всякой всячиной – сливами, яблоками, грушами. Вы же знаете, какие девочки...

Затем она возвратилась домой, спустилась с Филиппом Блейком на пляж и искупалась перед обедом. – Инспектор полиции Хейл прервал свой рассказ. – А теперь скажите, – спросил он некоторое время спустя, – находите ли вы что-нибудь несуразное в моих словах?

– Абсолютно ничего.

– Вот видите!

– Однако, – сказал Эркюль Пуаро, – я хочу убедиться в этом сам. Я считаю...

– Что вы собираетесь делать?

– Я пожалуй с визитом к этим пятерым, чтобы услышать от каждого участника событий его версию.

Инспектор Хейл меланхолически вздохнул:

– Мсье Пуаро, но это же чистое безумие! Ни одна версия не будет похожа на другую. Неужели вы не даете себе отчета в этом? Никогда двое не вспоминают об одном и том же одинаково или хотя бы в том же порядке. Тем более спустя столько лет! Вы услышите пять рассказов о пяти разных убийствах!

– Именно на это я и рассчитываю, – сказал Пуаро. – Это будет очень поучительно.

Глава 6

«Один поросенок пошел на базар...»

Филипп Блейк оказался именно таким, каким его охарактеризовал Монтегю Деплич: человек умный, жизнерадостный, с некоторой склонностью к полноте.

Встреча была назначена на половину седьмого в один из субботних дней. Филипп как раз успешно закончил партию в гольф, выиграв у своего противника пять фунтов стерлингов. Он был в хорошем настроении.

Эркуль Пуаро представился и объяснил цель своего визита. Он считал, что, по крайней мере, при таких обстоятельствах не должен показаться чрезмерно усердным в поисках истины, поэтому дал понять Блейку, что речь идет об издании серии книжек о нашумевших преступлениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.